

Jewgienij KOSTIUCHIN

WSP Bydgoszcz

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЖИВОТНОГО ЭПОСА

Давно замеченную общность фольклорных произведений разных народов принято объяснять тремя факторами: генетическим родством народов, культурными связями и типологическим единством развития фольклора. Факторы эти находятся в тесном взаимодействии, хотя в каждом конкретном случае один из них оказывается главенствующим.

Обращаясь к фольклору двух родственных, к тому же соседних народов, поляков и русских, мы вправе ожидать, что сходство однотипных произведений должно иметь прежде всего историко-генетические причины. Особенно касается это жанров архаических, восходящих к первобытной идеелогии. Таковы, например, сказки о животных, происхождение которых связывают с тотемическими верованиями. Однако более внимательный сопоставительный анализ фольклорного материала заставляет внести существенные коррективы в столь вероятные на первый взгляд предположения. Процесс развития любого фольклорного жанра у родственных народов, в том числе и животного эпоса, оказывается более сложным.

Первые сомнения в историко-генетических причинах сходства сказок возникают, когда начинаешь сопоставлять польский и русский материал со сказками других европейских народов. Вот, например, три сказки, которые одинаково популярны у поляков и у русских: о проделках лисы над волком (AT I-4), о ночлеге животных (AT I30) и о неблагодарной змее (медведе), возвращенной в заточение (AT I55, I). Ни один из этих сюжетов нельзя считать славянским по происхождению.

Согласно исследованию К. Крона, сказка о проделках лисы сложилась на севере Германии, откуда распространялась двумя путями: на север, в Скандинавию, где сохранилась ее первоначальная форма с этиологическим мотивом (обманут медведь, ловивший рыбу на хвост, - с тех пор медведь стал бесхвостым), и на восток, к славянам, при чем на эту форму повлияла средневековая литературная традиция, и медведь был здесь заменен волком². Нет оснований считать славянской по происхождению и сказку о ночлеге зверей: она известна повсюду в Европе, а особая ее версия, представляющая самостоятельный сюжет AT 210, - и в Азии³.

Еще более широкое поистине всемирное распространение получил сюжет AT 155. Известный советский сказковед И. Левин выделяет три его версии и указывает многочисленные литературные источники (в том числе хорошо знакомые в Польше "Disciplina clericalis" Pietra Alfonsa и "Gesta Romanorum"), в которые вошел этот сюжет. "Независимо от латинской и предшествовавшей ей восточной, в особенности еврейско-арабской, традиции сюжет распространялся устно, достигнув Латинской Америки, Сибири, Дальнего Востока, Океании и глубинных районов Африки"⁴. Славянские сказки входят в версию, распространенную от Греции до Средней Азии и Индии. Ее родиной считают Грецию (Т. Бенфей), Малую Азию (В. Юнгман), Индию (К. Крон) - во всяком случае, в славянском фольклоре это сказка пришлая.

Таким образом, хотя в архаичности корней животного эпоса сомневаться не приходится, национальные фонды его сюжетов - в том виде, в каком мы их знаем, - сложились намного позднее первобытной древности. Близость польских и русских сказок о животных объясняется не столько их общеславянской древностью,

сколькими давними культурными контактами европейских народов. Выделить же в животных сказках какое-нибудь единое общеславянское ядро не представляется возможным. Да и было ли оно, это ядро? Можно, конечно, предполагать, что интернациональные сюжеты вошли еще в общеславянский фольклор и были в нем переработаны. Это, однако, маловероятно: ведь сказка начинает свое существование, когда она теряет связь с мифом и воспринимается как фикция. Происходит это с разложением мифологии. Между тем славяне расселились в ту эпоху, когда они находились еще на первобытной ступени развития, так что о кризисе мифологического сознания у них говорить не приходится. Жанр сказки в общеславянском фольклоре вряд ли мог сложиться.

Несмотря на то, что славянский сказочный фонд формировался из разнородных источников, славянский фольклор обладает известным единством. Что касается сказок, то их близость объясняется общностью представлений о мире, восходящих к славянской мифологии, а может быть и к еще более древним верованиям, свойственным не только славянам. Не случайно едва ли не во всех европейских сказках в роли трикотера выступает лис, а одуряченными непременно оказываются волк или медведь. Мифы о зооморфных культурных героях, демиургах и трикстерах одновременно, к которым генетически восходят сказки о животных, — древнейший пласт повествовательного фольклора⁵. Должны они были существовать и у славян. И хотя фабулы известных нам сказок о животных могли сложиться позднее и приходили к славянам уже в историческую эпоху, они легко усваивались, так как укоренялись в подготовленную почву. Единство представлений о мире порождало и единство славянских сказок.

Всё это даёт основания говорить о славянском сказочном

регионе, внутри которого международные сюжеты образуют устойчивые версии. В то же время границы славянского сказочного региона несколько размыты: на востоке и севере славянские сказки взаимодействовали с финскими, на юго-западе — с турецкими. Этот регион охватывает, впрочем, не только славян, но и балтские народы.

В балто-славянский регион входят и общеизвестные сказочные сюжеты, и такие, ареал которых ограничен. Так, сказка о крестьянине, медведе и кабанах (АТ I 71 A^ж = Ктз I 78) известна полякам, белорусам, украинцам, латышам, но не зарегистрирована в русском фольклоре. Существуют также еще более локальные группы сказок, ареал которых не выходит за рамки одного народа. Таковы украинские сказки о коте, указанные Л.Г. Барагом: котелекаре, коте, искавшем справедливости⁶. Намечает Л.Г. Барог и большую группу сказок единой тематики: "О дружбе, чаще всего недолговременной, и женитьбе, которая чаще всего приводит к ссоре и вражде слишком не похожих друг на друга супругов, повествуется в байках о соколе и пчеле, аисте и ястребе, вороне и сове, орле и сове, комаре и медведе, волке и зайце, льве и волке, лисе и коте, лисе и собаке, волке и свинье, зайце-женихе, хорьке-женихе и кунице-невесте"⁷.

Что представляют собой такие сказки — осколки архаического животного эпоса или чисто местные образования? Л.Г. Барог склонен считать сказки локального ареала древними: "Есть основания полагать, что и фольклорная общность восточнославянских и балтских народов имеет очень древние истоки. Она очень заметная в репертуаре сказок о животных, которые отчасти сохранили до наших дней свою архаическую основу. Примечательно, что целый ряд сюжетов о животных, популярных у восточных славян,

но не бытующих у западных и южных славян, у балканских и западноевропейских народов, популярен также и у литовцев, и у латышей ⁸.

Логика Л.Г. Барага по меньшей мере странная: если сюжет известен восточным славянам и не известен при этом ни западным, ни южным, то о какой древнеславянской общности может идти речь? Если же этот сюжет, кроме восточных славян, зарегистрирован только у балтских народов, то не разумнее ли считать его местным образованием, причем довольно поздним, на что указывает ограниченность его ареала? В самом деле, ничего архаического в сказке о том, как бесконечно сватались друг к другу журавль и цапля (АТ 244 А*), — нет ⁹. Таким образом, примечательно здесь другое: если сюжет имеет ограниченное распространение, это свидетельствует об его оригинальности, которая сама по себе уже исключает вопрос об его архаичности и генетическом родстве сказок, так как сюжет этот практически лишен параллелей:

В связи со сказками локального распространения встает другая проблема. Ясно, что единство сказок в регионе обусловлено не тем, что сюжеты их восходят к общеславянскому наследию, а единой интерпретацией их в свете общеславянских представлений. Но в сказках, как и в фольклоре в целом, интернациональная общность соединяется с национальным своеобразием. В чем же проявляются отличительные особенности польских и русских сказок?

Как мы уже убедились, искать национальное своеобразие в сюжетном составе — занятие неблагодарное. Оригинальных сюжетов всегда бывает очень мало, и к тому же они известны почти всегда в уникальных записях. Это своего рода эксперименты

сказочной традиции, ее не всегда удачные опыты. Ограничимся несколькими примерами. Польские сказки об аисте — как тот отказался платить за ночлег и как он был одурачен, когда в его гнезде выдупились гуси (Kvz 237 и 241), — известны в одной-двух записях и только в Польше. Уникальны и русские сказки о свинье и баране, открывших торговлю¹⁰, и о столкновении ежа с телятком¹¹.

Есть, конечно, и такие случаи, когда сказка широко распространена у одного народа, но практически не известна другому. Такова сказка о "собачьих правах" (AT 200), хорошо знакомая не только в Польше, но и в Белоруссии и на Украине, но не в России¹². Русская по происхождению сказка "Теремок" (AT 283 B* = AA *282) почти не известна соседям. Причины ограниченности ее ареала точно определены Л.Г. Барагом: "Переход таких сказок, имеющих, возможно, русское происхождение, из восточно-славянской в иноязычную народную среду затрудняется их ритмическим складом и не вполне переводимыми сложными словесными узорами, которые придают им особую занимательность"¹³.

Можно привести еще несколько подобных примеров, но в этом нет необходимости: национальное своеобразие сказок лучше искать не здесь. Названные сюжеты представляют всё же не правило, а исключение из него. Неправомерно составлять представление о национальном своеобразии сказок, опираясь на исключения: ведь основной состав сюжетного фонда определяют все же сюжеты общеизвестные. Нельзя ли вообще отказаться от таких поисков на сюжетном уровне и обратиться к "бытовой атмосфере", частным деталям, несомненно принадлежащим национальному быту? Такого мнения Ю.Кшижановский, писавший об оригинальности сказки:

"O rodzimości jej tedy decyduje nie jej kośćce, jej schemat fabularny, a więc układ wprowadzonych do niej wydarzeń, ten bowiem powtarza się zarówno w obrębie pewnego języka, jak i w ogóle w całym zasięgu danej bajki, lecz coś innego, po prostu jej tło. Tłem tym zaś są przedstawione w niej stosunki życia codziennego - społeczne, obyczajowe, moralne" ¹⁴.

Суждение Ю. Кшижановского можно принять с оговорками. Оригинальность сказки проявляется не только в ее бытовом фоне, но и в конструкции. Нередко общие сюжеты имеют свои национальные версии, отличающиеся одной-двумя особенностями. Так, в сказке о ночлеге животных (АТ 130) существенных отличий между польской и русской версиями нет - за исключением нескольких деталей: в русских вариантах животные обычно прогоняют волков или медведя (реже - разбойников), а в польских - обычно разбойников или нечистую силу ¹⁵. В русских вариантах нечистая сила вообще не встречается, да и животные не залезают в чужой дом, а строят дом сами, обороняя его затем от хищников.

Национальные особенности проявляются не только в разных версиях одного и того же сюжета. Как известно, многие сказочные сюжеты, получившие самостоятельные номера в указателе Аарне-Томпсона, образуют устойчивые контаминации. В этом случае сказочный сюжет имеет не только самостоятельное значение - как звено в приключениях лисы или волка, но приобретает также функцию мотивировки для последующего звена. Так, например, волк отправляется ловить рыбу на хвост, потому что позабывал сытой лисе, будто бы добывшей рыбу тем же способом. Стало быть, сюжет АТ I (лиса притворяется мертвой и крадет рыбу из саней) мотивирует дальнейшие невзгоды волка.

При сравнении польских и русских животных сказок заметны отличия в связях сюжетов, т.е. в типах контаминации. Отсюда соответственно и различия в мотивировках сказочного действия. Так, упомянутые сюжеты АТ I и АТ 2 в русском фольклоре традиционно связаны: из известных нам 24 вариантов сказки о волке, ловившем рыбу на хвост (украинские и белорусские варианты не в счет), в двенадцати этот сюжет следует за сказкой о лисе, выбросившей рыбу из саней. В остальных четырех сюжет АТ I либо редуцирован (лиса достала где-то рыбки¹⁶, или просто наловила ее¹⁷, или натаскала из садков¹⁸), либо мотивировка опущена¹⁹.

В польском фольклоре сюжеты АТ I и АТ 2 столь же популярны, как и в русском. Традиционна и их связь, как вообще в европейском фольклоре. Но в польских сказках, пользуясь данными Ю. Кшижановского, сюжет АТ 2 может бытовать как самостоятельная сказка (в русском фольклоре известны лишь два варианта сюжета АТ 2 как самостоятельной сказки, причем оба записаны в г. Владимире, что позволяет считать их локальным образованием²⁰). Здесь и появляются новые мотивировки злополучной ловли рыбы хвостом. Оказывается, волк приглашал лиса в гости и хорошенько его угостил, и теперь он требует столь же теплого приема, причем грозитя съесть лиса, если такого приема не встретит. Тут-то лис и ведет волка к проруби. Но волк заставляет лиса ловить рыбу. У того готова отговорка: рыбы уже знают лисий хвост, клевать на него не будут. Тогда за дело берется волк - и это приводит его к гибели²¹. Как видим, истории с хвостом в польском варианте предпослана довольно громоздкая мотивировка, поскольку сказка "оторвалась" от сюжета АТ I. Наконец, обычная для русского фольклора цепочка АТ I+2+3+4 в польском фольклоре выглядит иначе. Вот она в

изложении Ю. Кшижановского: "Pozrolite są ... bajki o przysgodach lisa, który kradnie ryby z wozu (T 1), namawia wilka, by zamroził ogon w przerebli (T 2), zaprasza go na wesela (T 3) i pobitemu każe odnieść się do domu (T 4) " ²².

Третье звено в русском фольклоре другое: лиса вымазала голову сметаной (тестом) и притворяется, будто ее так избили, что выступил мозг (АА 3).

Итак, в традиционных сюжетных контаминациях, одинаковых для польских и русских сказок, могут появляться новые звенья и новые мотивировки. Есть и другой тип сюжетных взаимосвязей, обуславливающий национальную характерность сказки: один и тот же сюжет используется в роли "кирпичика" для построения разных в русском и польском фольклоре сказочных контаминаций. При этом между сказочными сюжетами возникают устойчивые связи, разные для польского и русского фольклора.

Повсюду известна в Польше сказка о том, как волк спас собаку от голодной смерти, а та отплатила ему, пригласив на свадьбу, где волк напился пьяным, запел и был убит (АТ 101 + АТ 100, по указателю Ю. Кшижановского - только 101, где сюжет АТ 100 обозначен как элемент С). В русском фольклоре эта сказка встречается редко, но в Белоруссии и на Украине записано много ее вариантов. Тут контаминация АТ 101 и АТ 100 настолько обыкновенна, что Ю. Кшижановский даже не счел нужным разъединять эти сюжеты, поместив их в указателе под одним номером. В то же время в польском фольклоре установились связи между сюжетами АТ 100 и АТ 41 (объевшийся и опившийся волк не может выбраться из погреба; АТ 41 = К г з 3 А). В результате собака оказывается вовсе не благодарной, а коварной, потому что подстраивает волку ловушку ²³. В русских сказках отмеченной

межсюжетной связи нет, а потому нет и тех моральных оттенков, которые появляются у персонажей польской сказки, определяя ее национальное своеобразие.

Вернемся к бытовому фону, определяющему, по мнению Ю. Клижановского, национальную характерность сказки. В сказках о животных бытовой фон чрезвычайно важен, так как эстетический эффект этих сказок проистекает из гротескных ситуаций: животные поступают по человеческому обыкновению. В.А. Бахтина верно замечает: "Чем более насыщен бытовыми подробностями этот крестьянский мир, тем комичнее выглядят в нем животные, живущие по законам человеческого существования" ²⁴.

В то же время именно гротесковый характер животной сказки должен предостеречь от поисков в сказках аутентичного отражения национального быта. Сказка не стремится к правдоподобию — напротив того. Поэтому ни в польских сказках о собаке — сапожнице волка (Клз I02), ни в русских сказках о коте — сибирском бурмистре (АА I03) неправомерно искать отражения ремесла или общественных отношений (в самом деле, что это еще за "бурмистр из сибирских лесов"?). Речь не о том, что в сказках не отражаются специфически-национальные детали. Отражаются, конечно только специфика эта сама по себе ничего не дает для понимания сказки, потому что она лежит вне сферы сказочной эстетики. И мы солидаризуемся с мнением И. Левина: "Нельзя, на наш взгляд, сводить эстетическое значение сказки, как и другого произведения словесности, к ее неповторимости, национальной уникальности ... Местное своеобразие кроется не в самом сюжете, а в степени его распространения в репертуаре, в соответствии с его географией, и потому не может вызывать сомнений мысль о том, что сказочный материал наименее пригоден для

характерологических, этнопсихологических целей" ²⁵.

Всё сказанное о различиях и общности польских и русских сказок о животных как составных единого сказочного региона касается устной традиции. Так именно формировались национальные сказочные фонды; в устной же традиции определялись постепенно отличительные свойства каждого национального субрегиона. Но фольклор нельзя отделить от традиции письменной, литературной: в устное бытование входят многие тексты письменного происхождения. Есть своего рода пограничная область и в животном эпосе: западноевропейский сатирический эпос о Ренаре-Лисе, древнерусские сатирические повести о куре и лисе, о Ерше Ершовиче.

В письменную традицию животного эпоса входили не только сюжеты, часто встречавшиеся в устном бытовании. Существовали многочисленные сборники типа *Gesta Romanorum*; куда входили и сюжеты животных сказок, обычно восточного происхождения. По характеру своему они отличаются от народных европейских сказок о животных: основной их смысл — не в создании гротескно-комической ситуации, а в условном сюжете, из которого легко извлекается моралистический урок. Таким образом, с жанровой точки зрения это моралистические новеллы.

Один из характерных примеров такой "животной новеллы" — сказка о благодарных животных и неблагодарном человеке: путник спасает из ямы обезьяну, змею, льва и ювелира, ювелир отговаривает своего спасителя, животные выручают его (AT 160). Известный в старых буддийских источниках и вошедший в "Панчатантру", этот сюжет попал позднее в *Gesta Romanorum* — дошел до Восточной Европы — сначала до Польши, а затем с польского был переведен на русский язык ²⁶. Но если в странах Востока подобные сюжеты входят в устную традицию ²⁷, то в Европе

они так и остались достоянием письменной литературы, почти не отразившись в фольклоре. То же и со сказкой о благодарных зверях: ни в польскую, ни в русскую устную традицию она не вошла²⁸, хотя и записывалась во многих европейских странах. Но записей этих очень мало, так что в целом сказка осталась за бортом европейской устной традиции.

Ту же судьбу имеют сюжеты животных сказок, связанные с богатой басенной традицией, приписываемой Эзопу. Эти басни, распространяясь в латинских переводах и переделках, восходящих к поздней античности, были в средние века переведены на все европейские языки и достигли, наконец, Руси. Знали на Руси и другой популярный сборник, включающий много восточных басен и восходящий к "Панчатантре", — "Стефанит и Ихниллат", переведенный с греческого. Воздействие басенной традиции на фольклор значительно сильнее, чем сборников иных поучительных рассказов, но тоже в общем невелико. Так, одна из известнейших эзоповских басен, обошедшая весь цивилизованный мир, — о взаимном угощении лисы и журавля (АТ 60). Басня эта проста, не подчинена жесткой морали, и фольклорное ее происхождение кажется несомненным. И в самом деле, сказка о лисе и журавле записывалась десятки раз у десятков народов — вплоть до Конго²⁹. Но родным в фольклоре этот сюжет нигде по-настоящему не стал, за исключением Прибалтики и Скандинавии. В России записано лишь три его варианта, а в Польше, судя по данным Ю. Кшижановского, собирателям сказок он вообще не встречался. Так при всей популярности сборников занимательных новелл и басен в средневековой литературе, их влияние на фольклорную традицию животного эпоса в целом оказывается незначительным, а строгих нравочений народная сказка вообще не усваи-

вает: она скорее развлекает, чем поучает.

Что касается басенной традиции нового времени, то ее влияние на фольклор еще меньше, чем с средневека. Лишь в редких случаях можно говорить о литературных заимствованиях в животных сказках, причем записи литературных сюжетов из новых басен оказываются уникальными. Такова украинская сказка с конем, пожелавшем превратиться в лебедя и ставшем верблюдом³⁰. Источник ее очевиден: это басня И. Красицкого "Конь и верблюд", переведенная, в свою очередь, из Лессинга.

Подведем итоги. Близость польского и русского животного эпоса обусловлена прежде всего культурным взаимодействием, установившимся не только между славянами, но и другими европейскими народами. В то же время эта близость тем сильнее, что она имеет за собой генетическое родство польского и русского народов, их общеславянское прошлое. Поэтому возникает единый славянский сказочный регион, к которому близки и сказки балтских народов.

Самостоятельное культурное развитие польского и русского народов привело к тому, что их сказки приобрели национальную характерность. Национальные особенности животных сказок проявляются в конструкции сюжетов, новых типах контаминаций и сюжетных взаимоотношений. В меньшей степени национальная характерность определяется составом сюжетов: оригинальные сюжеты крайне немногочисленны. Наконец, в сказках отражаются и особенности национального быта, но воспроизведение быта как такового не является задачей животной сказки.

Культурное взаимодействие поляков и русских осуществлялось не только в устной традиции. Существовал богатый письменный эпос средневековья, известный обоим народам и в значительной мере пришедший на Русь из Польши. Но его влияние на

устную традицию ограниченно, прежде всего потому, что народная сказка и литературная моралистическая новелла и басня - разные жанры, с разными устанавками. Приоритет остается, таким образом, за живым общением, за старинными связями польского и русского народов.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- I. Номера сюжетов даются по следующим указателям: АА - Н.П. Андреев: Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Ленинград, 1929; АТ - The Types of the folktale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Maerchentypen /FF Communication No 3/ translated and enlarged by Stith Thompson. FF communication No 184, Helsinki 1961; Krz - J. Krzyżanowski: Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. t. I-II. Wrocław-Warszawa-Kraków 1962-1963.
2. K. Krohn: Baer /Wolf/ und Fuchs: eine nordische Tiermaerchenkette. "Journal de la Societe Finno-Ougrienne", nr 6, Helsingfors 1889.
3. A. Arne: Die Tiere auf der Wanderschaft. FF Communication No 11, Hamina 1913.
4. "Осетинские народные сказки". Запись текстов, перевод, предисловие и примечания Г. Дзагурова. Автор типологического анализа сюжетов Исидор Левин при участии Уку Мазинга. Москва, 1973, стр. 560.
5. См. исследования Е.М. Мелетинского: О генезисе и путях дифференциации эпических жанров. "Русский фольклор", т. 5, Москва-Ленинград, 1960; Первобытные истоки словесного искусства. "Ранние формы искусства", Москва, 1972; Поэтика

- мифа. Москва, 1976, стр. 178-194. Движение от архаического культурного героя к трикстеру животной сказки хорошо показано в книге Е.С. Котляр; Миф и сказка Африки. Москва, 1975.
6. Л.Г. Бараг: Сюжетный репертуар восточнославянских сказок. Глава исследования "Восточнославянские сказки, их взаимосвязи и национальное своеобразие". "Эпические жанры устного народного творчества". Ученые записки Башкирского университета, вып. 33, серия филологическая, № 13 (17), Уфа, 1969, стр. 229.
7. Там же, стр. 232.
8. Л.Г. Бараг: Этническое и межэтническое в сказочном эпосе восточнославянских народов. "Проблемы фольклора", Москва, 1975, стр. 215.
9. Еще Л. Колмачевский отмечал самостоятельный, т.е. местный характер этой сказки; Л. Колмачевский: Животный эпос на Западе и у славян. Казань, 1882, стр. 169. Сказкой "чисто русского происхождения" считал ее и В. Бобров. В. Бобров: Русские народные сказки о животных. Варшава, 1909, стр. 139.
10. "Русские народные сказки Урала". Редакторы-составители П. Галкин, М. Китайник, Н. Куштум. Свердловск, 1959, стр. 160.
11. "Фольклор. Частушки, песни и сказки, записанные в Курской области". Сборник произведений народного творчества под ред. В. Аристова и М. Павлова. Курск, 1939, стр. 66.
12. Исключение составляет сказка, рассказанная по-русски Ф.П. Господаревым, белорусом по национальности: "Сказки Ф.П. Господарева". Запись текста, вступительная статья, примечания Н.В. Новикова. Петрозаводск, 1941, № 81.
13. Л.Г. Бараг. Сюжетный репертуар восточнославянских сказок, стр. 187.
14. J. Krzyżanowski: Wstęp do "Sto baśni ludowych". Opracowali H. Kapetusi i J. Krzyżanowski. Warszawa 1957, s. 14-15.

15. Вариант с нечистой силой см. O. Kolberg: *Lud.* VIII, nr 98.
16. А.М. Смирнов: Сборник великорусских сказок Архива Русского Географического общества. Петроград, 1917, № 173.
17. Там же, № 225.
18. "Народные русские сказки А.Н. Афанасьева". Москва, 1957, № 7.
19. Там же, № 3.
20. Афанасьев, № 3; Смирнов, № 173.
21. *Sto baśni ludowych ...* nr 1.
22. J. Krzyżanowski: *Polska bajka ludowa ...*, t. I, s. 16.
23. "Байка о волку и псе". /w:/ *Sto baśni ludowych* , nr 2.
24. В.А. Бахтина: Эстетическая функция сказочной фантастики. Наблюдения над русской народной сказкой о животных. Саратов, 1972, стр. 47.
25. И. Левин: Н.П. Андреев и сказки Абхазии. "Абхазские народные сказки". Москва, 1975, стр. 427-428.
26. Польский перевод: *Historie rozmaite z rzymskich i innych dziejów wybrane.* Kraków 1566. Сюжет о благодарных зверях обработан также И. Красицким. Оба варианта перепечатаны в: *Bajka ludowa w dawnej Polsce. Wybór i opracowanie H. Karciusa.* Warszawa 1968, nr 6, 63.
Русский перевод сделан в 60-70 гг. XVII века с не дошедшего до наших дней польского издания 1663 г. Его издание: "Римские деяния". Памятники древней письменности, вып. I-2. Санкт-Петербург, 1877-1878. Исследования: С. Пташицкий. Средневековые западноевропейские повести в русской и славянской литературах. I. Истории из Римских Деяний (*Geata Romanorum*). СПб., 1897;

- J. Krzyżanowski: *Romans polski wieku XVI*. Warszawa 1962, s. 104-127.
27. "Сказки Центральной Индии". Под общей редакцией Г.А. Зограффа. Москва, 1971, № 14; "Аварские народные сказки". Москва, 1972, № 6. В русских публикациях известны также африканские варианты этого сюжета: африканский, суахили, бауле, хауса.
28. Исключение составляет единственный белорусский вариант: М. Federowski: *Lud białoruski na Rusi Litewskiej*, t. 2, Kraków 1902, nr 47.
- Ю. Кшижановский допускает, впрочем, влияние этого сюжета на две польские сказки: О tym, jak żaba i wąż ratują chłopca i - druga - jak wilk dusi sędziego. Все же эти сказки более подходят к известному типу AT 558*.
29. "Как храбрый Мокеле добыл для людей солнце". Сказки с реки Конго. Москва, 1973, стр. 120.
30. В. Гнатюк. Українські народні байки (Звіриний епос).- "Етнографічний збірник", т. 37-38, Львів, 1916, № 228.

POLSKIE I ROSYJSKIE BAJKI O ZWIERZĘTACH

Streszczenie

Archaiczność gatunku bajki zwierzęcej pozwala przypuszczać, że zbliżoność polskiego i rosyjskiego eposu zwierzęcego wynika z przyczyn historyczno-genetycznych. Jednakże proces rozwoju tego gatunku u pokrewnych narodów przebiegał w sposób bardziej złożony. Najpopularniejsze wątki bajek zwierzęcych u większości ludów europejskich są takie same. Oznaczałoby to, że zbiory narodowe wątków bajkowych powstały nie w pierwotnej starożytność-

ci, a znacznie później i podobieństwo polskich i rosyjskich bajek zwierzęcych związane jest z kontaktami kulturalnymi narodów europejskich.

Niemniej jednak zbiory bajkowe Słowian wyróżniają się pewną jednolitością starsłowiańskich wyobrażeń o świecie. Fakt ten mówi o istnieniu słowiańskiego regionu bajkowego w obrębie którego wątki międzynarodowe tworzą trwałe wersje. Region ten obejmuje również bajki ludów nadbałtyckich. Jednolitość regionalna nie wyklucza narodowej odrębności bajek zwierzęcych. Przejawia się ona nie tyle w zasobach wątkowych czy w szczegółach obrazujących byt danego narodu, ile w typach kontaminacji wątków i motywów bajkowych.

Swoistość narodowych subregionów uwarunkowana jest też specyfiką kultury narodowej, w obrębie której następuje wzajemne oddziaływanie folkloru i tradycji literackich. Poza tym tradycje folklorystyczno-literackie eposu zwierzęcego zrodziły różne gatunki opowieści o zwierzętach: bajkę i baśń /również i nowelę moralizatorską/, mających niewiele wspólnych cech.

Tak więc podobieństwo polskich i rosyjskich bajek zwierzęcych należy tłumaczyć przede wszystkim kontaktami kulturalnymi poszczególnych narodów.